

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

УКРОЩЕННЫЙ
ТИГР

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Укрощенный тигр

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Укрощенный тигр / С. И. Зверев — «Эксмо», 2022 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-174040-5

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя — неизменный знак качества каждой новой книги. В результате удачно выполненного боевого задания танкистам экипажа Алексея Соколова удается захватить новенький «Тигр» и секретные документы германского штаба. В них эскадрилья Люфтваффе предписывается разбомбить близлежащие населенные пункты, оставляемые вермахтом при отступлении. Чтобы не допустить потерь среди мирного населения, а заодно разгромить немецкую группировку, Соколов разрабатывает неслыханный по своей дерзости план, в котором основная роль отводится фашистскому трофею...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174040-5

© Зверев С. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

Укрощенный тигр

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Мокрый снег крупными хлопьями выложил всю низину леса, где расположилась на короткую стоянку почти сотня танков. Для остановки пришлось выбрать сырую пойму, где мокрая грязь так и чавкала под сапогами. Но хотя бы были реденькие деревья, чтобы замаскировать черными прутьями веток широкие бронированные борта. Они преодолели уже больше 100 километров тяжелым марш-броском по выбоинам окружных путей, минуя главные дороги, чтобы немецкое люфтваффе не заметило длинную колонну из Т-34. И сейчас комбат Савченко собрал к своей «эмке» трех командиров рот своего танкового батальона: насупленный усатый Мороз, что руководит тяжеловесами КВ; юркий колобок Василий Зимин, знакомый ему с самого начала войны, и серьезный новичок Алексей Соколов. На фоне бывалых командиров молодой лейтенант выделялся безусым лицом и сдержанными манерами. Мороза присутствие нового лица не смутило, он, как обычно, перемежая речь крепкими ругательствами, с возмущением выдал:

– Не дорога, а болото, где черти газуют. Мои на месте жопами рюхаются, все подвески к чертям собачьим сорвем.

– Потише, Мороз, – одернул его комбат. – Про устав не забывай и субординацию.

От досады здоровяк дернул себя за ус, но командир батальона и сам уже видел. Больше 10 километров грунтовок размыло от дождя и снега. Непогода превратила сельскую дорогу впродоль заброшенных полей в склизкую глинистую кашу, в которой танки потеряют управление и надсадят подвеску, собирая на гусеницы все больше и больше грязи. Многотонные КВ от усилий только глубже зароятся в мягкий слой, оседающая черными глыбами в сером болоте. А скоро ночь, и над головами завоет воздух от крыльев немецких «рам» FW-189. Такое количество боевой техники не спрятать в реденьком лесочке, даже под брезентом будет видно огромный черный квадрат из железных «коробок». И назад уже колонну не развернуть для поиска другой дороги, нет смысла месить ноябрьскую распутицу, все глубже зарываясь в слякоть. Только и остается выслать разведывательную группу, чтобы нашла путь, подходящий для двух отделений из двадцати легких «тридятьчетверок» и, самое главное, для семи единиц КВ, каждый из которых весит больше 45 тонн.

– Мороз, ты остаешься с мехводами всех отделений. Задача – маскировка батальона. Хоть грязью мажь, но чтобы через час ни одной машины с неба видно не было.

Усач с готовностью достал из-за пояса широкий нож, замахал в воздухе, готовясь обрубить лапы всем елям вокруг.

– Зимин, половину личного состава берешь – и в лес. Рубите подстилку под танки. Бревна, крупные ветки, ну ты сам знаешь, Василий Кузьмич, чего тебя учить. А вы, Алексей эм... – на секунду Савченко сбился, не запомнил он отчества молодого своего подчиненного, а привык обращаться к командирам отделений уважительно.

– Алексей Иванович, но вы... Я не привык, лучше Алексей, – в ужасе почувствовал Соколов, как заликает лицо жаркая краснота от смущения. В роли ротного командира воевал он уже год, но сейчас испытывал неловкость из-за того, что совсем не успел пообщаться с новым командиром и остальными командирами отделений. Он мгновенно оправился, вытянулся в струну и по-военному четко выпалил: – Слушаю приказ, товарищ командир батальона.

– Вольно, лейтенант. Ты бери остальных бойцов, и все, что Зимин нарубит, тащите к размытому грунту. Будем выкладывать сами дорогу.

– Есть, товарищ майор! – уже развернулся парень в сторону застывших машин, уточнил вежливо: – Поставлю двух человек в наблюдение? Чтобы немца не пропустить?

– Молодец, лейтенант, прошел проверку. Осторожность на войне важнее всего. Ставь. Сам выбери, кто глазастее из твоих.

«Если бы знать», – Алексей вздохнул про себя. Из всех танковых отделений, что были с ним в последнем бою за Речицу, никого в батальон Савченко не перевели. Почти все машины пошли в ремонтный цех, а танкистов отправили кого в медчасть, а кого в другие военные части РККА. Поспешно вышагивающий впереди короткими ногами Зимин развернулся и просительно взглянул сверху вниз:

– Поставь в часовые Мишку нашего, Осадчего. Он парень внимательный, а на рубке от него толку не будет все равно.

Когда два командира рот Т-34 подошли поближе к сгрудившимся у машин танкистам, Алексей понял, что имел в виду Василий Кузьмич. Осадчий оказался мальчишкой, худым до прозрачности: тощие руки топорщились ветками из просторных рукавов ватника, над воротником на воробьиной шее торчала голова с огромными ушами. Заметив удивление в глазах новенького, Зимин хмыкнул:

– Ты не смотри, что тощий, у нашего Михана вся сила в духе.

Алексей промолчал; командиру роты виднее, кто из бойцов на что годится, когда давно воюют вместе. Он выбрал из толпы ребят повыше, чтобы длинные руки загребали побольше в охапку бревен, и объяснил задачу комбата.

Снег так и продолжал валиться рыхлыми хлопьями, растекаясь, напивывая зябкой влагой шинели и ватники работающих танкистов. От промозглой сырости Алексея трясло крупной дрожью, конечности сковывал ледяной холод. Но молодой ротный изо всех сил хватал бревна побольше, шлепал по грязи как можно быстрее, чтобы обрушить ношу в черное зияние раскисшей дороги. Нельзя командиру проявлять слабость, показывать своим подчиненным, как от холода и усталости ослабло тело. Пальцы почти уже не гнулись от стылости, в сапогах танкистов хлюпала ледяная влага, они таскали ветки для подмостков уже три часа, а чернеющая яма не укрылась даже наполовину. Но бойцы продолжали на пределе человеческих сил терпеливо таскать вязанки, словно трудолюбивые мураши. Не обращая внимания на то, как льдистая влага прожигает уже до костей, пальцы покрылись кровавыми ссадинами от сучков и заноз, а вся одежда обвисла мокрым тряпьем, леденящим человеческие тела. Они не останавливались ни на секунду, мерно делая шаг за шагом, укладывая метр за метром самодельной дороги посреди зыбкой хляби, которая ведет к занятому немцами городу. Впереди длинная ночь суровой работы под снегом и дождем.

* * *

От торопливого шага небольшие каблучки легких туфель путались в длинном ворсе пестрого ковра с затейливыми восточными завитушками. Толстый слой гасил шаги идущего позади энкавэдэшника. Она и без звуков знала о своей тени, что следовала до самого номера в гостинице.

Группу переводчиков-синхронистов для сопровождения вождя и партийной верхушки на Тегеранской конференции поселили в отдельном крыле гостиницы. Сюда никто не имел доступа без специального пропуска, в коридорах царил тишина, лишь иногда нарушаемая шорохом тележки горничной. Молчащие женщины в скромных платьях и передниках ежедневно меняли шелковое белье и махровые полотенца в светлых номерах с гигантскими кроватями. Но она не обращала внимания на роскошное убранство номера, мягкую мебель ручной работы и горы с сахарными верхушками за окном. Каждый день заканчивался одинаково: после ужина их отпускали, коллеги с удовольствием пробовали экзотические блюда Азии, болтали, пользуясь возможностью освободиться от напряжения тяжелых переговоров; вышколенные официанты жонглировали хрустальными сервизами. Она, механически прожевав положенное количество пищи, терпеливо ждала, когда уже можно будет пойти в свой номер. Строгая, с прямой спиной, гладкой прической волосок к волоску, пожилая переводчица застывала в бар-

хатном кресле. Тонкие пальцы лежали напряженно во впадинках резных подлокотников, сухие губы растягивались, изображая вежливую улыбку. Женщина кивала коллегам, отключив слух. Ей были неинтересны их разговоры о хрустальных люстрах в торжественном зале посольства Британии или шегольских кожаных туфлях зарубежного дипломата, явно сшитых на заказ. Просто надо терпеливо выждать, когда согласно правилам этикета можно идти в номер.

Сегодня за дверью номера ее ждала гостя. Крупная пожилая женщина в костюме горничной в кипенно-белом переднике робко шагнула навстречу и торопливо заговорила на фарси. Галина Михайловна знала его отлично, знания еще в детстве сами улеглись в голову, когда она листала перед сном книги из библиотеки дедушки-востоковеда. Именно за знание английского и восточных языков ее определили сопровождать вождя в поездке, что проходила под грифом «секретно».

Женщина нерешительно протянула ей золотистую коробочку с бантом из алой ленты:

– Это вам, подарок, вашему народу. Спасибо за то, что спасли весь мир от войны. Здесь фисташковая халва, ее приготовила моя внучка. Я маленькая женщина, это все, что я могу.

– Это еще что за фокусы, товарищ Выстребинцева, – за спиной зашептал придушенный голос согладая. – Что происходит? Кто такая у вас в номере, немецкая шпионка? Что она говорит? Немедленно переведите!

– Она не шпион, обычная горничная, – переводчица кивнула на серебристую тележку с толстыми стопками свежих полотенец. – Восточная сладость в коробке, благодарит за то, что СССР борется с Гитлером.

– Какие еще сладости, подарки! – голос энкавэдэшника взвился к потолку с завитушками лепнины. – Вы знаете, что арестованы 400 германских шпионов, которые готовили нападение на товарища Сталина и глав других государств! И берете подарки у подозрительных личностей.

Перепуганная его криком горничная бухнулась на колени, схватила хрупкую кисть стро-гой русской и прижалась в поцелуе:

– Я каждый день благодарю нашего бога, что помог русским остановить зверя. Примите этот подарок, прошу вас. Я не желаю зла, это просто сладости! Они от чистого сердца!

– Вставайте, вставайте же. Спасибо. Этот человек передаст угощение нашему вождю. – Переводчица взяла коробку и сунула в руки особиста. – Забирай себе.

Пожилая женщина проводила охающую прислугу до порога, послала на прощание сухую улыбку:

– Спасибо, мне очень приятно. От нашей страны я благодарю вас.

– Я эту гадость даже открывать не будут! – взвизгнул сотрудник, он на расстоянии держал яркую упаковку.

– Я тоже. Забирайте и делайте с ней все, что захотите. А лучше съешьте, нет там яда. Обычная халва из орехов.

– Но...

Она не дала ему закончить, широко распахнула дверь и кивком указала на тихий коридор, освещенный золотистыми канделябрами на стенах:

– Безопасность – это ваша работа. В том числе и личного переводчика товарища Сталина. Разбирайтесь с подарком для СССР, а мне нужен отдых. Прошу.

Энкавэдэшник дернулся от ее высокомерных манер, но подчинился. Все-таки важная птица, сопровождает главу государства на конференции уже второй день. Да и биография у переводчицы Выстребинцевой идеальная: ни одного изменщика родины или раскулаченного, сплошь профессора да герои, как и она сама в выглаженном костюме и с гладким седым пучком. Мужчина растопырил пальцы и понес презент в номер, где устроили штаб особистов. Надо сообщить ответственным товарищам, пускай разбираются, что в коробке.

А она, с облегчением закрыв за ним дверь, обернулась назад и улыбнулась, просияла настоящей искренней улыбкой. Усталый взгляд и морщины вдруг исчезли, на лице выступил

румянец. Галина сбросила пиджак на красный пухлый диван с парчовыми подушками, сделала несколько шагов к массивному столику из красного дерева.

– Митька, Митюша! – она с трудом сдерживала ликующий крик. – Все, дождались, сыночек! Выиграли войну! Выиграли мы, конец, Митенька!

С большого портрета, рассеченного траурной лентой, сияющим радостью взглядом таких же, как у матери, ярко-голубых глаз смотрел молодой парень в форме летчика. Смотрел так задорно, что ей казалось – вот он, живой, теплый, такой родной. Обнимает ее рукой и смеется: «Ну вот видишь, мамуля, дождались победы. Не зря все было! Одолели фашистов!» Она гладила тонкими пальцами стекло фотографии, улыбалась с нежностью, кивала и торопливо рассказывала мертвому сыну:

– Все, второй фронт открывается, чтобы Гитлера из Европы прогнать. Отступает армия вермахта! И узников лагерей освободят! А там и ты домой вернешься, Митя! Я верю, я чувствую сердцем, что ты там, ты в плену! – По щекам у пожилой женщины потекли слезы, которых не было со дня получения похоронки на сына. – Я верю, сыночек, и ждать тебя буду всегда. Ведь уже немного осталось, обсуждают, как будет после войны мир устроен. Принцип «четыре Д»! Денацификация – полностью ликвидируют всех нацистов. Всех! Митенька, до единого! Демилитаризация, демократизация и...

* * *

– Декартелизация. А также главами стран-союзников было принято решение об окончательной стратегии в борьбе против нацизма и фашизма, чтобы сломить Германию, ее европейских союзников и Японию. – Политрук откашлялся после долгого доклада. – Есть вопросы, товарищи по международной политической ситуации? – Докладчик обвел глазами офицеров в черных комбинезонах и кожаных куртках. – Ну же, смелее, политинформация нужна вам, чтобы доносить до рядового состава победы нашей Родины.

– Нету, нету, товарищ замполит. Давайте отпустим командиров, тяжелый марш-бросок был, в себя надо прийти, – командир танкового батальона Савченко торопил докладчика, видя недовольные, мрачные лица.

Всю ночь они пробирались по распутице к опорному пункту корпуса, а здесь политрук с утра решил устроить собрание для командиров рот и отделений. Уставшие, продрогшие из-за влажной одежды, в грязи с ног до головы служащие еле сидели на широких лавках. Кто-то от долгожданного тепла начал дремать после кошмарных суток на ногах в сырости, кто-то злился, что рядовые танкисты сейчас уже могут стянуть мокрую одежду и просушить у костра. Командиров всех подразделений заместитель танковой бригады по политической работе потребовал собрать в избе, служившей раньше сельсоветом, чтобы рассказать срочные новости из Москвы. У измученных людей важная информация не вызвала никакого отклика. Больше всего им хотелось согреться и прийти в себя после бесконечного ночного перехода. Комбат понимал прекрасно, что у него всего сутки до того, как батальон пойдет в новую атаку на врага. При этом экипажи вымотаны, все танки необходимо срочно осмотреть после тяжелого перехода: подвеска, состояние траков от долгих часов скольжения на высоких оборотах оставляют желать лучшего. Не до мировой политики.

После команд «Вольно» и «Разойтись» загромыхали лавки, затопали набухшие от воды сапоги – офицеры торопились найти свои экипажи и заняться сырой одеждой. Политрук недовольно сморщился над стенограммой из центра, до чего политически пассивный этот Савченко и народ себе в батальон подобрал такой же.

– Извините. – Политрук поднял голову – рядом стоял молодой парень в обвисшем от влаги комбинезоне и грязной кожанке, из-под расстегнутого ворота виднелись три лейтенант-

ских «куба» в петлицах. – Я слышал, что вы про Польшу говорили. Разрешите задать вопрос, товарищ майор?

– Разрешаю, товарищ старший лейтенант. Как фамилия ваша?

– Соколов, командир танковой роты.

– Соколов? – Брови у политрука взлетели вверх. – Ну что ж, похвально, что такие герои у нас в батальоне появились. Слушаю вас, товарищ.

– Вы говорили, что Польша будет возвращена ее народу.

– Все верно поняли, товарищ Соколов, хорошо, что так внимательно слушали.

– Наступление же наверняка через Белоруссию пойдет. Так вот, у меня вопрос, можно ли попасть в ударную роту или батальон, чтобы как можно быстрее немцев из страны прогнать. Когда планируется полное освобождение страны?

– Товарищ старший лейтенант, информация о стратегии и времени наступательных операций наших войск строго засекречена, – нахмурился замполит. – Это хорошо, что так в бой готовы идти, учтем ваше рвение. Только про армейскую дисциплину не забывайте и устав. Приказ был отдыхать перед наступлением. Вот и выполняйте. Без лишних вопросов.

– Есть выполнять приказ. – Алексей развернулся резко и зашагал из бывшего сельсовета на улицу. Но выйдя за дверь, сник от печальных мыслей, что разъедали его изнутри. За ночь под дождем и снегом форма промокла насквозь, но самое страшное, что письмо от любимой девушки Ольги разлезлось на куски от воды. Он помнил его, конечно, наизусть. Но при виде ошметков листов с размытыми строками внутри все так и перевернулось. К горлу подошел острый комок тревоги: как узнать про Ольгу? Как освободить уже бедную, страдающую от немецких оккупантов белорусскую землю быстрее?

За ответами он и обратился к заместителю танковой бригады по политической работе. Но тот лишь напомнил о правилах и подчинении командиру, будто он, Соколов, первый день на войне. Всегда Алексей чтил военный устав, свод правил строгой дисциплины и беспрекословного выполнения приказов вышестоящих чинов. Только любовь ведь правилам не подчиняется. Если бы он мог, то сейчас бы наплевал на все приказы и запреты. Завел бы танк и рванул по маршруту к маленькому городку, где встретил Олю в начале войны. От этой мысли под холодной мокрой гимнастеркой разливался жар в груди. Сутки или двое, и он мог бы увидеть ее, прикоснуться. Или спасти от фашистов, ведь Ольга связанная в партизанском отряде, а значит, каждый день рискует вызвать подозрение у гауляйтеров. Эта мысль ему казалась самой страшной, все чаще и чаще в разговорах фронтовиков мелькало словосочетание «выжженная земля». Немцы отступали, не оставляя ничего живого после себя. Сжигали, взрывали, убивали, вешали, морили голодом и непосильным трудом мирных граждан на постройке оборонительных укреплений. Чтобы помешать стремительному наступлению Красной армии, Гитлер отправлял в деревни и города самое жестокое свое подразделение – ваффен СС, которым лично командовал рейхсфюрер Генрих Гиммлер. Германские убийцы с орлом и свастикой на рукаве отличались жестокостью, абсолютной бесчеловечностью к беспомощным женщинам и старикам на оккупированной территории.

Вот и сейчас Алексей шел по селу, с ужасом замечая, что от небольшой деревушки остался лишь дом сельсовета. Почти все избы превратились в пепелища, еще свежие, от которых несло дымом, а ветер шевелил легкую золу. Колодцы заколочены из-за отравленной фашистами воды. Уже за крайним домом виднеется колючая проволока, что опутала все поле, превратив пахотную землю в мертвый изуродованный клочок.

А еще ведь минами все поле усеяно наверняка, мелькнуло в голове. Он свернул с главной улицы на соседнюю и попал на круглый пятачок, видимо, раньше служивший местом схода для местных. Здесь Николай Бочкин, заряжающий командирского танка, с остервенением махал топором, казалось, желая одним ударом разрушить деревянные подмостки виселицы, что высилась посередине площади. При виде удавок, качающихся во все стороны от напора молодого

парня, Алексея накрыло волной тревоги. Если сейчас драпающие из очередного города фашисты сооружают такую же для жителей города и в испуганной очереди из женщин, стариков и детей стоит Ольга! От приступа волнения за любимую и ненависти к бесчеловечным убийцам его начало трясти. На плечо легла легонько чья-то рука – сержант Бабенко, мехвод его «тридцатьчетверки». Взрослый мужчина, интеллигентный и заботливый, всю войну он опекал своего молодого командира, присматривая, чтобы тот не оставался без горячего пайка и теплой шинели на ночном постое в голом поле или лесной чаще. Опекал он не только молодого лейтенанта, но и весь экипаж командирской машины с номером «007». А о самом танке заботился, как о малом ребенке, по звуку определяя неполадку. Так и сейчас Семен Михайлович, уже переодевшись в сухое, пошел по деревне, чтобы выпросить у местных ветоши, разузнать, где набрать воды. Родной Т-34 после «грязного» перегона надо было чистить и срочно отмывать. Днище, траки, нижний люк были покрыты толстым слоем грязи, так что опытному механику было не видно, в порядке ли у машины подвеска, не погнулись ли пальцы гусеницы. Но на площади он остановился при виде смертельно бледного парня.

– Товарищ командир, вы бы переоделись в сухое, а то заболете. Мы вон там встали, ближе к колодцу на полянке.

– Что? Сухое? – Взгляд у Соколова был такой, что Бабенко забыл о техническом осмотре.

– Случилось что-то, Алексей Иванович? Может, вам воды или аспирин у медиков спросить? Вы выглядите плохо, наверное, просквозило ночью в воде и под снегом.

– Нет, нет, Семен Михайлович, со мной все в порядке. Я просто... – слова так и застряли у парня в горле. Не смог он признаться, что беспокоится за любимую девушку.

Он прошагал механически до конца улицы, плохо понимая, куда идет. В голове, словно набат, стучала одна мысль, которую никак он не решался произнести даже про себя: а вдруг немцы схватили Олю и... Правая нога зацепилась за что-то твердое, Алексей поднял голову, и внутри все похолодело – перед ним было деревенское кладбище. Обычное, крошечное, с перекошенными крестами и поржавевшими памятниками, с которых смотрели фотографии покойников. А с самого края возвышалась свежая огромная могила. Закиданная грунтом яма была такой большой, что поверхность просела от стылой воды и стянула на себя легкий заборчик, об который и споткнулся лейтенант. У самого конца могилы возвышались несколько грубых деревянных досок. С двух сторон деревянные памятники были исписаны углем: имя, фамилия и дата смерти, у всех одинаковая – 24 ноября 1943 года. И неумельными кривыми буквами выведено на шапке одной из построек: «Здесь братская могила жителей деревни Тихоновки, зверски убитых немецкими гадами. 83 человека взрослых и детей».

Из горла парня вырвался полустон-полурыв, он шагнул к свежей могиле, снова запнулся об забор и рухнул на колени перед черным холмом. От боли и отчаяния кулаки сжались до кровавых отметин на ладонях, его душила бессильная ярость. Немедленно в атаку! Нельзя ждать! Разнести армию вермахта из всех орудий, отправить в них весь боезапас «тридцатьчетверки», так чтобы разнесло фашистов на куски!

* * *

Майор Савченко пожал руку повару походной кухни:

– Вот ты молодца, Ивашкин, ну что ни щи, то ложку готов проглотить.

– Стараюсь товарищ майор, – прогудел низенький седой повар, кивнул в сторону бревен, где дружно звенел ложками почти весь батальон. – Рядовому Осадчому до краев, как и велели.

Комбат кивнул, без доклада знал, что о лопоухом Мишке заботится весь батальон. Да и он сам приготовил мальчишке сюрприз, который нашел, когда ломал шкафы в сельсовете на такие необходимые сейчас дрова. Деревня сгорела вместе с запасами угля и поленицами дров, а ему нужно кормить и обогревать батальон до завтрашнего утра. Поэтому без всяких церемоний

он с парочкой рядовых превратил шкафы и столы из уцелевшего сельсовета в деревянные для походной бани.

– Рядовой Осадчий, – гаркнул батальонный командир во все горло. От толпы танкистов сразу отделилась шуплая фигурка с котелком в руках.

– Рядовой Осадчий прибыл по вашему приказанию, – выкрикнул парнишка звонким фальцетом. От усердия большеватый шлем, как всегда, съехал на лоб, не помогали его удержать даже огромные уши, что торчали, как два розовых лопуха, над стриженной белесой головой.

– Держите, рядовой, награда вам за проявленное усердие в наблюдении за воздушной разведкой противника. Молодец, всю ночь глаз от неба не отвел! – Комбат протянул мальчишке прозрачного петуха на палочке, которого нашел в одном из шкафов. Запылившийся, с отломанным гребнем, он валялся на верхней полке, в свертке из газет еще с довоенного времени. Именно этот подарок приготовил Виктор Макарович своему любимцу и с удовольствием наблюдал, как вспыхнули глаза мальчишки при виде угощения.

– Ух ты, это же из сахара петушок! Мне мамка такие на 1 сентября всегда покупала! – Мишка смутился своей непосредственностью, залился густой краской. – Спасибо, товарищ майор.

Комбат тоже не удержался от неуставных вольностей, подмигнул лопухому «сыну батальона» и пошел дальше с обходом. В голове кружились теплые мечты: «Закончится война, заберу к себе мальчишку в Воронеж, от пуза наестся всех сладостей. Детство у него хоть будет».

Савченко всегда лично обходил постой подчиненного танкового батальона, чтобы убедиться, что его ребята накормлены и отдыхают в тепле по возможности. За несколько лет войны Виктор Макарович пришел к выводу, что если в бою губят танкиста вражеские снаряды, то еще больше жизнью уносят холод и голод. Поэтому первым делом заставлял рядовых обустроить походные бани, выменивал на свой паек у местных ведра лука и чеснока, чтобы раздавать рядовым на привалах. Вот и сегодня уже в одном из окопов, обустроенном под баню, кипела вода в бочке. Под брезентовый полог выстроилась очередь из желающих ополоснуться, тут же в собранных со всей деревни кадлушках и ведрах его подчиненные отстирывали стоящую колом от глины форму. Деловой Мороз ворчал под нос, что он боевой офицер, не прачка, но тут же поругивал танкистов за слабо привязанные веревки для просушки гимнастеров и штанов:

– Крепче, тяни, ну что сопли распустили тут. Руки у тебя из гузна! На ветру, чтобы продуло быстрее. Давай-ка я затаю, отойди ты, немощь бледная. Вяжи рукава, разиня, вот ворона! Унесет в поле, опять от гамна тереть. Быстрее. Тютя, а не боец!

– А шинели где? – остановился рядом комбат.

– Не переживайте, товарищ командир, их в окопе разложили на камнях, чтобы шибче сохли.

– Где ротный новенький, Соколов? Не видел его?

– Экипаж его на месте, танк отмывают, а парнишку такого крепкого я послал виселицу на площади снести на дрова. Самого не видел, как на собрании сидел и пропал.

Савченко зашагал дальше, тихо выругавшись себе под нос. Что за странный командир роты! То к замполиту лезет, чтобы ему выдал засекреченные сведения. Теперь ни на обеде, ни в бане, ни рядом с танком его нет. Пропал куда-то. Еще герой называется, зря нахваливали в штабе этого Соколова, когда сообщили о переводе в 94-й танковый батальон нового ротного офицера. Вместо того чтобы познакомиться со своими ребятами из роты, тремя слаженными экипажами, которыми комбат гордился, бродит непонятно где. Может, у него последствия контузии? Бывает такое после попадания снарядов в броню танков, что у экипажа потом странности с головой начинаются. Тем более нехорошо. Майору нужен здоровый, сильный командир роты, чтобы людей за собой вести в бой, а не головой скорбный. Послать за ним срочно и вытянуть на разговор!

Мишка Осадчий бережно сунул леденец на палочке за пазуху и зашагал к краю сожженного поселения, опасливо обходя черные остовы изб. Насладиться вкусом тягучей золотистой карамели ему хотелось в одиночестве, чтобы никто не смотрел жалостливо и не шушукался за спиной: сирота. Размажет по языку знакомую сладость и сразу вспомнит маму, а Мише очень этого хотелось. Не мертвую и обнаженную, перемазанную землей, с одним приоткрытым застывшим глазом, какой он запомнил ее в общей могиле, что сам мальчишка лично рыл руками под окрики гауляйтеров. А живую, в строгом синем платье с кружевным белоснежным воротничком и толстой косой через плечо. Они вдвоем идут из школы с первого сентября, где мама работала учительницей, у нее в руках охапка цветов, у Мишки купленный в сельмаге точно такой же петушок на палочке. Мама улыбается, опускает лицо в яркие бутоны и вдыхает их нежный аромат. А он с шумным чмоканием втягивает терпкий вкус конфеты.

На ходу он достал заветное лакомство и как сквозь цветное стекло взглянул на улицу. Мир сразу из разрушенного, перемазанного сажеей превратился в яркий, наполненный солнечной теплотой. На краю петушиного клюва сидела согнувшаяся фигура. Мишка опустил конфету, пригляделся – новый ротный стоит на коленях у края могилы, сгорбился и трясется, как в лихорадке. Он подошел поближе:

– Товарищ старший лейтенант, все в порядке? Вы не ранены? Сейчас помощь кликну.

Соколов с удивлением уставился на лопоухого мальчишку:

– Ты кто? Ты из деревни? – Но потом присмотрелся и понял, что паренек одет в гимнастерку с пустыми петлицами.

– Ты же из роты танкистов, да? – уточнил Соколов, стряхивая с себя, словно серую пелену, приступ отчаяния.

Мишка приложил козырек руки к голове:

– Рядовой Осадчий, радист 21-го экипажа, 94-й отдельный танковый батальон 51-й Уманской Краснознаменной танковой бригады.

Алексей внимательно рассматривал мальчика. Тот доходил ростом ему едва ли до плеча, на щеках не было даже намека на растительность, а голос то и дело срывался на подростковый фальцет. Но вопрос про возраст задавать мальчишке не стал, не желая обидеть. Сам столкнулся во время службы с недоверчивыми взглядами, которыми одаривали его старшие чины, не веря, что безусый парень недавно после танкистской школы может командовать экипажем из четырех человек, а теперь уже целой ротой в десять танков.

– Вольно, – отдал он команду, и Мишка выдохнул, так что выкаченная колесом грудь снова исчезла под пузырьком ватной куртки. Они помолчали минуту, лопоухий мальчишка кивнул на свежую могилу:

– Гады, заставляют еще и самим себе рыть могилу. Я в такой лежал.

– Ты в могиле лежал? – Алексей поднялся на ноги, с трудом зашагал в сторону застывших черных руин.

– Ага, меня мама столкнула в яму, когда немцы стрелять начали, чтобы сверху мертвецы нападали и меня закрыли. Меня потом Виктор Макарыч спас, они нашу деревню отбили у немцев. Он услышал, как я кричу в яме, и вытащил меня.

– И ты поэтому в танковом батальоне служишь?

– Они меня сначала в детский дом отправить хотели в эвакуацию, только все никак из окружения выйти не могли. Я месяц в танке жил, выучил все, из пулемета научился стрелять. И спас их от немцев. Нас когда в лесу разведка немецкая окружала, я к ним вышел и сказал, что видел, как советские танки поехали в сторону железной дороги. Они мне поверили, потому что я им наговорил всякого. Что работать на них буду, что партизан выдам. Даже руку одному офицеру ихнему пришлось целовать. Тьфу. – Мишка смачно сплюнул от неприятного воспоминания и вытер рот грязным рукавом ватника. С любовью посмотрел на прозрачного петушка – терпеть уже никаких сил не было. Но вздохнул и припрятал драгоценный подарок снова за

борт ватной куртки – пускай дожидается вечера. В темноте землянки можно будет закрыть глаза и несколько раз лизнуть карамельного красавца. Тогда мама точно приснится ему живая, с цветами от учеников.

– А как ты здесь оказался, в батальоне?

– Сбежал от немцев, они меня с собой взяли. А я ночью вылез через печку, коня украл и к нашим обратно в лес.

– И тебя решили в батальоне оставить?

– Виктор Макарыч хотел меня в училище танковое отправить. Но без документов отказали, ну и мне тогда 13 исполнилось, нельзя. Болтался без бумаг, объедал пайку командирскую. А когда я в карауле стоял ночном и из пулемета немецкую «раму» сбил, в ней почта еще важная оказалась. Потом телефонограмма пришла о присвоении медали и звания рядового за подвиг, и комбат вытребовал на меня книжку красноармейца. Медаль-то без документов не вручить. Радистом к ротному уже товарищ комбат меня потом определил в экипаж, чтобы места поменьше занимал. Мы там впятером ездим, а я мелкий. – Историю своей жизни маленький воин рассказывал обыденно, словно школьник выученный урок.

Но Алексея его рассказ воодушевил, вернул снова надежду. Вот ведь перед ним мальчишка зеленый, ему даже 16 нет. От смерти ушел напрямик из могилы, от немцев вырвался, а значит, есть всегда шанс на спасение. Нельзя руки опускать, тонуть в горе. Тем более ждут его в селе рядом со «Зверобоем» проверенные за три года ребята, ставшие родными. Семен Михайлович, который радеет обо всех, словно отец родной. Логунов, как старший брат, надежный и опытный, без слов понимает командира. И младшие братья, Коля и Руслан, шkodные иногда, могут устроить бучу от избытка молодых сил, только всегда готовы прийти на помощь. Не просто плечо подставить, а защищать свой экипаж грудью. Война сплотила, сделала чужих людей близкими, какими и по крови не бывают. Соколов расправил плечи: «И я тоже за них отвечаю, как командир, как близкий человек. С меня пример будут брать, я унылый, и экипаж загрустит. Поэтому держать себя надо в руках и верить в лучшее. Встречу Ольгу, обязательно встречу, недолго осталось потерпеть!»

Приободрившись, Алексей потрепал парнишку по плечу:

– Рад был знакомству, рядовой Осадчий. Побегу я, дел много.

– Ага, там комбат с обходом проверяет, как на постое устроились, – кивнул Мишка.

И Соколов заторопился назад к землянкам, где вовсю кипела фронтовая обычная жизнь. Он стянул мокрую форму, развешал ее на веревках, надел сухое исподнее, летний комбинезон сверху и пошел знакомиться со своей ротой. На полянке у танков, где возились мехводы, собрались командиры и рядовые члены экипажей.

– Товарищи командиры отделений, докладывайте по очереди, номер машины, имена остальных бойцов. – Лейтенант внимательно всматривался в каждое лицо. – Также мне необходима информация от механиков-водителей о техническом состоянии машины, сведения от наводчика о наличии боекомплекта, и радисты тоже по своей технике докладывают.

Незаметно подошедший со стороны развороченного снарядами огорода Савченко прислушивался к беседе: молодец, и поближе всех посмотрит новый ротный, и по техсоставу пройдет. Сразу двух зайцев.

Он откашлялся, так чтобы в его сторону повернулись головы в шлемах.

– Здравия желаю, товарищи танкисты. Проводите знакомство, мешать не буду. Вы ко мне к семи часам подходите на совещание, товарищ лейтенант.

– Есть, – коротко ответил Алексей, отдал честь, почувствовал на себе пристальный испытующий взгляд комбата.

После общения с личным составом роты Соколов еще раз проверил форму, все ли на месте. Натянул гимнастерку и шаровары, пригладил волосы, заправил получше гимнастерку под ремень. Принципиально для него было выглядеть опрятно даже во фронтовых условиях.

Сзади с деревянного настила внутри землянки, где на ночлег устроились танкисты командирского танка «007», фыркнул Руслан, пулеметчик экипажа:

– Как на свидание собираетесь, Алексей Иванович.

– Ничего ты не понимаешь, Руслан, молодой еще, – из темного угла сквозь наплывающую дремоту ответил ему Василий Иванович Логунов, наводчик Т-34. – По командиру сразу видно, как он умеет со своими бойцами управляться. Если у него ремень набок, подворотничок торчит, то и в бою он будет тоже все криво делать. Глупые приказы отдавать, метаться, как заяц по полю.

– Так, может, человек просто не успел, тревога боевая или атака неожиданная с воздуха, – упирался упрямый Омаев. В глубине души он был с командиром экипажа согласен, но горячая южная кровь не давала вот так сразу согласиться.

Алексей дослушивать их спор не стал – пора на совещание ротных командиров. В просторной землянке была жарко натоплена печь, так что он сразу почувствовал, как накрывает усталость и сонливость. Но Савченко долго не размышлял:

– Завтра идем в наступление. Экипажи проверили, готовы к бою?

– Так точно, товарищ майор, – за всех ответил юркий Зимин.

– Тогда слушаем внимательно, по два раза в нашем батальоне не повторяю. Это я вам так, Соколов, на будущее, сразу предупреждаю, у меня дисциплина строгая.

Алексей закивал головой, чтобы разогнать туман, который накрывал его от теплоты тесного помещения. Сказывались бессонные сутки, но сейчас как никогда нужно внимательно слушать.

– Ну, раз все готовы, то обозначаю боевую задачу. – Виктор Макарович разложил карту на самодельном столе, подвинул керосинку поближе, так чтобы танкисты могли видеть движения его карандаша по линиям дорог. – Приказ из штаба – продолжать сдвигать оборону немцев левого крыла Белорусского фронта, сейчас нам удалось укрепить свои позиции на протяжении 120 километров фронта. Три батальона 51-й танковой бригады полка находятся с разных сторон села Короватичи, это районный центр. Две наших батальона окружают населенный пункт с запада по рокадной дороге, встанут в засаду у моста, с поддержкой пехоты. Наша часть выдвигается из окрестностей Красной Дубровы, через урочище Аспанщина и атакует немцев с востока. Дорога у них одна для бегства, через мост, а там уже примут фашистов тяжелые танки и три взвода стрелков.

Наша задача – войти в населенный пункт и массивной атакой сдвинуть соединения врага к береговой линии в условиях городского боя. Какая тактика атаки в селе, лейтенант?

Савченко продолжал проверять молодого подчиненного, умеет ли действовать, когда кругом дома и невоенные люди.

Соколов среагировал мгновенно:

– При плотной застройке, когда много зданий рядом, главное – атакующие действия. Окопы и стационарные позиции не дают преимуществ, поэтому эффективнее вести наступление отдельными штурмовыми группами по ключевым транспортным магистралям.

– Молодец, – похвалил его командир, похлопал ладонью по карте. – На подступах в город разделимся на отдельные тактические группы. Рота Соколова занимает Ближнюю высоту, чтобы вести огонь на подавление. Немцы не должны пойти в контратаку, Алексей, снарядов не жалейте. На высоте Малая на въезде в село у противника пехотные укрепления с точками для оружейно-пулеметного огня. Это пулеметная батарея с установленным проволочным ограждением.

Рота КВ атакует на левом фланге в первой линии, уничтожает огневые точки на высоте Малая и продавливают все ограждение до дороги. Зимин, твои танки идут под прикрытием Соколова по дороге до первых домов. Я с ротой Зимина следую правее высоты Ближняя вдоль лесной лощины до границы села. С атакой понятно?

– Да, – снова за всех закивала круглая голова Зимина. Алексей молча кивнул, хотя чувствовал досаду. Но понимал, что побаивается новенького командир отправлять первым, ставит на прикрытие. Ну что ж, его право, это тоже важная боевая задача.

Комбат внимательно оглядел командиров и продолжил:

– Боевой порядок – «в линию». Сигнал в атаку – приказ по рации. С началом движения роты Мороза вырывается вперед на южную дорогу на въезде в село и огнем с места обеспечивает выдвижение остальных танков в поселение. После чего сама выходит в жилую зону. Рота Зимина под прикрытием огня танков Соколова идет по центральной улице, за ним КВ Мороза, потом Соколов. Вот здесь на въезде развилка, каждый уводит свою роту через город. Соколов, по окраине вдоль береговой линии приближаетесь к мосту, атаку не начинаете, огонь только на подавление. Зимин – правый фланг, магистраль от старой мельницы до сельсовета, на площади уходите в боковые улицы. Мороз – по центральной. Вот в этой точке первый уходите к мосту. Наша задача – оттеснить соединения врага на мост, а оттуда они, как в мешок, попадут в засаду.

Сборный пункт аварийных машин и медпомощи – сзади, в лощине у дороги. Моим заместителем на время боя назначаю лейтенанта Мороза. Все понятно, товарищи командиры?

Снова дружное кивание в унисон. Они еще долго обсуждали будущую операцию танкового батальона. Потом Савченко отпустил подчиненных на отдых перед боем, чтобы самому снова засесть с картой, выверяя каждый шаг атаки.

После совещания Алексей мгновенно ожил на холодном воздухе улицы в летнем комбинезоне. Он резво зашагал к землянке, где его ждал экипаж. От ледяного воздуха и завтрашнего боя кровь внутри так и бурлила. Завтра зададим жару немцам! Ни одного не выпущу из села. Ничего страшного, что комбат в нападение тяжелые танки поставил и более опытных ротных, я бы тоже так на его месте поступил. Завтра повоюем! Еще 50 километров в сторону Гомеля, еще ближе к Ольге!

В деревянном укрытии его встретила тишина и мерное дыхание. Только Бабенко, который всегда чутко спал, свесился с верхнего дощатого настила и прошептал:

– Ну что, Алексей Иванович, завтра в бой идем?

– Идем, – даже в темноте сержанту было видно, как светятся глаза командира.

На своей полке Соколов обнаружил высохшую форму и раскатанную шинель, которую заботливый механик приготовил для боевого товарища. Алексей только успел вытянуться во весь рост на толстом сукне, как глаза наконец закрылись. Перед ним опять расстилалась карта комбата, а по серым и голубым линиям дорог ходил химический карандаш, отмечая будущий маршрут. Вот въезд, потом боковая дорога вдоль окраины параллельно синей прожилке реки, поворот на площадь и снова сверток на запад, чтобы обстрелять блокпосты и уйти к мосту. Когда в дремоте его танк добрался до железной переправы через воду, парень провалился в глубокий черный сон. Проснулся он уже от крика дневального: «Подъем! Построение!» Он открыл глаза и мгновенно стряхнул сон, чему уже давно научился за годы войны.

Глава 2

Утром в нетерпении командир роты выслушал напутственные слова комбата и скользнул привычным движением в танк, воткнул провод ТПУ, прижался лицом к нарамнику перископа командирской башни.

– Я – Семерка, как слышно меня? Прием, – проверил связь на командной частоте.

В эфир полетели ответы экипажей его роты:

– Тридцатый, слышу хорошо.

– Ноль десять, на боевой позиции.

– Прием, всем экипажам, занимаем позиции согласно приказу.

Танки заурчали и тронулись вперед, вытянувшись в черную линию на дороге из деревни. Впереди шла, тяжело приминая грунтовку, «семерка» Мороза, тяжелые штурмовики КВ. 52-тонные машины с огромными башнями, куда вмонтированы 152-мм гаубица, 75 миллиметров бронированной плиты вкруг и даже днище бронированное, такую противоснарядную защиту фугасом не возьмешь. Пробить их можно только артиллерии, и то с расстояния не больше 500 метров, недаром красноармейцы называют его «убийцей дотов». Такой танк прет, как неуязвимый гигантский зверь, против пехоты, не замечая стрельбы из пулеметов или колючей проволоки. В отличие от легких «тридцатьчетверок» с лобовой броней в 25 миллиметров, которые, чтобы выжить в бою, должны искусно маневрировать, уходя из-под обстрела.

Поэтому, словно мощную ограду, поставил Савченко головной ротой экипажи Мороза. Остальные машины выстроились по тройкам, чтобы боковые отделения могли вести наблюдение за обстановкой во время марш-броска по широкому полю Аспанщины. Наступал самый опасный участок пути – открытое поле длиной в пять километров, а после него спуск к лугу реки, где комбат запланировал первый этап танковой атаки. На первом рубеже немецкой обороны тяжеловесы КВ должны снести ограждения и огневые точки, чтобы войти в село.

Огромное поле словно уснуло под тонким одеялом первого снега. Ровная поверхность отсвечивала на тусклом ноябрьском солнце, кругом царил тишина. Танки смотрелись как железные чудовища среди высохших голых кустов и одиноких деревьев. Вот уже первые машины нырнули вниз к основанию холма и скрылись из обзора перископа.

– Седьмой, прием. Говорит Филин, – прозвучали позывные комбата. – Через сотню метров начинается спуск с холма к дороге. Ваша позиция на вершине. Жди команды. Экипажам усилить наблюдение по секторам во время спуска батальона. Занимайте пози...

Договорить командир не успел. Раздался грохот и крик в эфире. И тут же снизу вылетел черный фонтан земли.

– Внизу засада! Немцы! – выкрикнул Логунов. Но Соколов и сам уже все понял, внизу в лугу через дорогу их поджидала засада неприятеля. Эфир снова затрещал и взорвался криком Мороза:

– Все отделения в атаку! Внизу немецкая артиллерия, командирский танк подбит! «Семерка», обходите с фланга.

– Есть обходной маневр, прием, Семерка! – откликнулся Алексей и, переключив частоту, отдал приказ: – Тридцатый, Десятка, Восемьдесят восьмой обходим по правому флангу, остальные за мной по левому.

«Семерка» лихо скатилась с холма, в трясущемся от резкой езды перископе мелькали лишь деревья заросшего оврага. Но Соколов был уверен, именно отсюда идет стрельба, за черными стволами спрятана немецкая артиллерия.

– Короткая, Бабенко, – выкрикнул он вниз механику, когда танк коснулся гусеницами асфальта. – Логунов, задача обнаружить цель. Не уходим в укрытие, ждем выстрела. Следи за траекторией!

– Танки! Товарищ командир! – снизу сбоку раздался вопль Руслана. Он в тонкую амбразуру для стрельбы из личного оружия увидел первый, как из глубины чаши выезжает бронированная техника со свастикой на бортах. Алексей крутанул перископ: «тигры» и «пантеры». А за Т-IV, Т-V и Т-VI в просветах чернеют глубокие каски пехоты. Артиллерия из глубины оврага тем временем слала один за другим снаряды в неповоротливые КВ. Вот один из танков закрутился, ствол орудия взорвался и выгнулся в стороны металлическими осколками, от удара второго снаряда машина развернулась, разматывая сорванную гусеницу с разбитого ведущего катка. В башне вместо номера чернела пробоина, откуда валил густой дым. Германское орудие грохнуло снова, и танк задергался, взревел в попытке развернуться, уйти с дороги от смертельных выстрелов, но только смог подставить бок под третий снаряд. От прямого попадания в бронированный борт механик-водитель выпустил рычаги управления, и тяжелая машина юзом ушла с дороги в кювет. Асфальт взлетел кусками от взрыва, и к верхушкам берез взметнулся огненный столб.

– Короткая, огонь, ориентир раздвоенная береза! – выкрикнул Соколов. Его наводчик закрутил ручки настройки, дуло «семерки» дернулось от выстрела. Попадание! Над деревьями взлетели металлические куски пушки. Но справа из низкого лога уже напирали вражеские танки. Коля Бочкин зарядил снова пушку, теперь бронебойным снарядом. Точный выстрел, даже если не подобьет тяжелого «тигра» в лоб на таком расстоянии, то повредит оптику, и наводчик «ослепнет».

– Полный вперед! – Соколов прижимался к нарамнику до боли в скулах, отсчитывая метры до цели. Черный «тигр» с широкими гусеницами водил дулом, проследившая траекторию советского танка. Расстояние стремительно сокращалось.

– Короткая! Бронебойным, огонь! Ориентир – немецкий танк!

«Тридцатьчетверка» послушно замерла на месте от прикосновений Бабченко. Расчет скорости, с которой стреляет экипаж «тигра», оказался верным, его снаряд прошел мимо. Выстрел «семерки»! Снаряд, посланный Логуновым, угодил оцетинившемуся «тигру» в башню. Бабченко резко нажал на рычаг, вывернув гусеницы так, что танк откатился назад и съехал с дороги. В прицел показался черный бок бронированной машины со свастикой, и Т-34 тут же послал вдогонку фугас. От попадания в машинное отделение из вражеского танка повалил густым столбом черный дым. Пока экипаж отстреливался от прущих на дорогу немцев, Алексей выкрикивал в командную частоту:

– Я – Семерка, я – Семерка. Прием. Экипажи, отходим на высоту. Рассредоточение на высоте, повторяю! Артиллерия противника уничтожена.

– Прием, это Десятка! Приказ принял, занимаю позицию.

– Остальные экипажи, прием! – надрывался командир роты, вызывая в ларингофон свои отделения.

– Это Тридцатый, меня подбили! Заклинило затвор!

– Используйте пулемет, прикрывайте атаку немецкой пехоты! – приказал Алексей.

Один за другим отзывались командиры экипажей, лейтенант крутил перископом, пытаясь увидеть, что происходит на поле боя. Но черный дым от горящих танков застилал обзор. Еще несколько выстрелов, и новые вспышки пламени взметнулись в небо. С воем взвился столб огня, заполняя все вокруг новой порцией клубов серого дыма вперемешку с паром.

Логунов в это время наводил орудие выше и левее, где забрался в складку холма «тигр», он заметил его по сизому дымку выхлопного газа. Правильный угол наклона пушки, уклон дороги и точный выстрел. Мимо! Немец выскочил впереди и слева, где дорога соединялась с подножием холма, тоже ответил выстрелом и снова ушел в укрытие. Но уже с трудом, неуверенно покачиваясь из-за слетевшей гусеницы. Все-таки есть попадание!

Бабченко среагировал на выкрик Логунова:

– Лево, 10 метров левее!

Механик стянул машину ниже траектории выстрела, уводя от прицела «тигра», как вдруг со стороны лощины в «семерку» ударила болванка другого панцера. Броня грохнула так, что у всего экипажа заложило уши. Логунов и Омаев вскрикнули от жгучей боли, горячая окалина полетела в лицо, в глаза. Бочкин не удержался на ногах и припечатался с размаху головой о борт, а потом отлетел на чемодан со снарядами. Алексея от сильного толчка спас нарамник, в который он вцепился что было сил. Он до искр в глазах ударился о рукоятку, так что на глаза сдвинулся шлемофон, поморгал, с трудом различая внутренности танка в сизом дыму пороховых газов, повернулся к экипажу:

– Цели? Подбили нас, по касательной прошло!

– Не горим? Дыма не чую от дизеля! – выкрикнул Бабенко, не отрываясь от рычагов управления. Нутром он чуял танк, проработав много лет испытателем на 183-м Харьковском танковом заводе. Поэтому сейчас мягко скатывал бронированную махину с дороги, поглубже под защиту деревьев, подальше от вражеских танков. Бабенко поворачивал машину плавно, так что работали фрикционы, а одна гусеница служила тормозом, помогая Т-34 выписать большую плавную дугу. Соколов потряс головой – в затылке ломила нарастающая боль после удара – и снова прильнул к оптике.

– Нет, Семен Михайлович, назад! Мы не можем с поля боя уйти, это командирский танк. Если отойдем в глубину, то из-за дыма не обнаружим цель. Вот здесь останавливайтесь, уже низинка. Экипаж, команда к бою!

«Тридцатьчетверка» выписала еще половинку круга, послушно остановилась в глубоком кювете в паре сотен метров от дороги, развернулась и выставила вверх носовую часть. Логунов прильнул к визиру в поисках цели.

Алексей снова выкрикнул в тишину эфира:

– Я – Седьмой, я – Седьмой, прием! Кто слышит меня?

Логунов приметил, что за скатом дороги притались два черных Т-V, обстреливая русские машины, не давая им спуститься с холма.

– Давай-ка правее хоть десяток метров, Семен, высоковата цель, – выкрикнул он механику.

Танк ловко прошел нужное расстояние, качнулся и замер. В казеннике уже ждал снаряд, только нажми на педаль.

– Короткая! Сейчас, сейчас, еще десяточку, – крутил рукоятки Логунов, выбирая угол прицела, так чтобы снаряд попал в переднюю часть борта. – Знаю, где у тебя слабое место.

Целился он в переднюю часть машины, там, где непосредственно за лобовым бронелистом располагалась у «пантеры» трансмиссия. Попадет в лобовую часть немцу – а с 500 метров только слепой промахнется, – и танк встанет. Даже без пробития, если снаряд пройдет по касательной, потому что мощный удар выведет из строя трансмиссию и обездвижит танк.

Огненная вспышка, каскад из осколков – попадание! Немецкая машина взревела раненым зверем, дернулась, загребая гусеницами грунт, и затихла. Из откинутого люка показалась голова танкиста. Он с криком вывалился на борт, показывая пальцем на подстрелившего их «Зверобоя».

– На дорогу, Семен! Заходи сбоку! Ориентир немецкий танк, правый борт!

Вторая «пантера» начала разворот, когда Т-34 выскочил на колею полосу, и тут же мехвод завернул машину навстречу противнику, выключив на 15 секунд рычаг фрикциона. Советский танк за несколько секунд оказался вдруг почти у самого борта с нарисованным большим белым крестом, «балкенкройцем».

Внутри немецкого танка гауптштурмфюрер СС от неожиданности отпрянул от визира. Только что дорога, где прикрывала сбоку вторая машина, изменилась: в соседней «пантере» зияла пробоина, а по правому флангу прямо перед носом выписывал фигуры на дороге русский танк. Он вскрикнул от неожиданности:

– Русские! Он сейчас выстрелит в нас!

Механик суетливо задергал рычаги, путая передачи, «пантера» вздрогнула, двигатель завыл от перегрузки, и машина дала задний ход. Отчего выпущенный Логуновым снаряд попал по гусеницам, выбив сноп искр. Перепуганный механик немцев хватался за рычаги, совсем потеряв голову. Мало того, что машина управлялась непривычным способом, после руля «тигра» никак он не мог приноровиться к рукояткам, так еще и ноги никак не могли привыкнуть, что у танка только газ и сцепление. Он поднял стержень слишком высоко от волнения, так что маневренный бронированный транспорт взревел, делая поворот на месте.

– Бронебойный быстрее, Колька, заряжай, немец бок подставил! Семен, сдавай вправо плавно, – азартно выкрикнул Логунов. По металлическому лязгу понял, что заряжающий его команду выполнил. Он поймал в прицел белый крест на борту и надавил на педаль. Огонь! Вверх взметнулся оранжевый столб, опал медленно, рассыпаясь густой чернотой чада. Сверху раздался голос Соколова:

– По левому флангу зенитка! Ориентир 200, забор!

Перед расширением полотна на въезде копошились черные фигурки вокруг лафетов пушки. Артиллерийский расчет перекачивал орудие в поисках удобной позиции, чтобы поддержать танковую атаку.

– Заряжай фугас! Целься! Огонь! – выкрикнул Алексей.

Танк Т-34, сделав новый разворот, понесся прямо по колею чуть ниже дороги в сторону артиллерийской установки. Бабенко плавно, не выключая передачи, выжал сцепление. Николай Бочкин дослал снаряд в казенник, башнер Логунов навел прицел во время плавного торможения и послал снаряд прямо в черный прямоугольник на колесах. Выстрелом немецкое орудие снесло с опор, оно подпрыгнуло, завалилось вбок, разбросав весь расчет шутце на землю.

– Еще выстрел, орудие целое. – Соколов наблюдал в панорамный прицел, как оставшиеся в живых артиллеристы поднимают орудие с тел погибших, чтобы сделать новую попытку расстрелять атаку русских.

– Поближе, Семен, и короткая за 500 метров до цели, – опытный Василий Логунов никогда не терял самообладания, высчитывая каждый метр.

Танк снова набрал скорость и по приказу «короткая» плавно замедлился. Сейчас выстрел был более точным – ударом снаряда орудие разорвало на куски, вверх грохнул фонтан из металлических горячих осколков, засыпая кричащих солдат вермахта.

Алексей резко повернул смотровой прибор в люке командирской башни. В зеленоватой дымке оргстекла сзади по дороге их догоняли два танка с крестами.

– За пушку, заворачивай за обломки! – Соколов понимал, что времени найти укрытие практически нет. Единственное, что они могут, – использовать остатки изгороди и немецкого орудия как мало-мальское прикрытие.

Бабенко выжал максимальную скорость, дернул рычаг фрикциона, чтобы заблокировать гусеницу, и резко выстроил траекторию машины влево, так что «Зверобой» остановился задом к первым домам и дороге в глубину села. Его преследователи скользили по раскатанному грунту сельской дороги. Алексей выкрикнул своему экипажу:

– Товарищи, наша сила в маневренности. У «пантеры» сложное управление, непривычное немцам, смотрите, как водители неуверенно ведут машины. Они не успеют за нами! Бабенко, после каждого выстрела уходим по дороге, за дома задним ходом на высокой скорости.

Логунов приказал в ТПУ:

– Коля, бронебойный!

Угол выставлен, панорама прицела как раз на лобовой броне, но с такого расстояния снаряд может не пробить толстый лист, лучше подпустить ближе. Василий, стиснув со злостью зубы, наблюдал за немцами, не дыша, считая метры. Ближе, еще немного! Секунды тянулись

вечность. Вот головной танк стал замедляться для выстрела, задирая дуло вверх. За ним повторила маневр вторая «пантера».

И тут Т-34 выстрелил. Бронебойный снаряд спустя несколько секунд проломил броню головной машины в районе мотора. В танке зачернела пробоина, он сразу задымился и встал мертвым камнем. Старшина уже отдавал новый приказ:

– Задний ход!

Танк резво заработал гусеницами, удаляясь от своих противников в глубь дороги.

– Алексей Иванович, укрытие, куда спрятаться? – Обзор у башнера небольшой, рассчитанный больше на прицеливание, а вот командир видит все вокруг на 360 градусов.

Соколов уже и сам крутил ручки перископа:

– 300 метров правее, ориентир деревянная постройка.

«Зверобой» выписывал плавный поворот, уходя за перекошенный сарай, когда вторая болванка прошла по касательной, ударив со звоном в командирскую башню. От удара снаряда по башне в глазах у лейтенанта потемнело от боли. Шлемофон и ларингофон со шнуром слетели вниз с головы, Руслан подхватил их:

– Товарищ командир, вы как? Не ранены? Слышите меня?

В ушах до сих пор стоял металлический звон, а перед глазами плыли темные круги, но Соколов кивнул – все нормально. Противник, второй немецкий танк, поняв, что снаряд достиг цели, прибавил скорости. Но густая грязь грунтового хода забивалась в катки из-за их шахматного расположения, от чего грозная махина вхолостую шевелила гусеницами. Танк уже почти остановился, башенное дуло вращалось то влево, то вправо. Наводчик никак не мог выбрать, в какой угол сарая, где укрылись русские, произвести выстрел.

Бабенко уверенным движением, не переключаясь с заднего хода, откатил танк к другой части здания, описал полукруг и выкатил носовую часть справа. Пушка «тридцатьчетверки» вынырнула из-за стены постройки и выплюнула в немцев снаряд. Николай поймал горячую гильзу брезентовыми рукавицами, сноровисто выбросил через приоткрытый люк.

– Коля, заряжай! – не оборачиваясь рыкнул на пасынка Василий. Были заряжающий и наводчик командирского танка не просто сослуживцами и даже не просто земляками, а почти родственниками. Василий Иванович долго и трепетно ухаживал за Любой Бочкиной, Колиной матерью. Из-за упрямого недовольства сына по поводу женитьбы Люба отказалась от регистрации брака в райцентровском загсе. Но для Кольки теперь это было словно в другой жизни. За годы войны он прикипел к Василию всем сердцем, считая его самым близким человеком, поэтому и на резкие окрики командира отделения не обижался. Только еще быстрее загнал новую болванку в отделение казенника. Выстрел, попадание!

Советский снаряд врезался в переднюю часть гусеницы машины, разбивая каток и амортизаторы. Немецкая «пантера» окончательно обездвижена. Но все равно оставалась опасной. Стоит только советскому танку показаться из-за постройки, как куммулятивный заряд немцев превратит легкий Т-34 в факел с горящими внутри людьми.

Но Бабенко знал, что делать в такой ситуации. Устраивать пятнашки с противником ему не привыкать. Машина уже прокатилась вдоль постройки по округлой линии, так что оставалось только вынырнуть теперь с другой стороны и добить второй танк точным попаданием. Немецкому экипажу остается только гадать, откуда последует выстрел, и крутить дулом во все стороны.

– Подкалиберный и уходим назад после выстрела! – отдал приказ башнер в ТПУ. Расстояние до цели позволит не потерять снаряду свою бронебойную силу. Внутри мысленно отметил: ориентир – дорога, орудие вверх 15 градусов и влево 10, и в укрытие. Бабенко резко выжал газ, «семерка» вылетела на открытое пространство из-за деревянной защиты и выстрелила. Болванка пробила наконец броню на корме и влетела прямоком в мотор застывшей «пантеры».

– Попадание! – заликовал Василий.

Подбитая машина сразу загорелась. Снопы пламени вырвались из двух пробоин, откинулся люк. Но спастись немецкие танкисты не успели, поток воздуха с ревом выбил оранжевый столб пламени вверх, так что из всех отверстий танка вылетели горящие искры и длинные жгучие языки.

– Справа ханомаг, справа! Автоматчики! – Руслан Омаев приник к смотровой щели для стрельбы из личного оружия. В единственный для радиста прибор обзора он увидел, как из-за угла разрушенного дома вынырнула черная машина, у бортов которой подсакивали на ухабах фашисты с автоматами на груди. Бочкин отреагировал мгновенно, влепив с размаху в казенник осколочно-фугасный снаряд. Василий крутанул оптику, Соколов параллельно с ним поворачивал командирскую башню.

– Приказываю стрелять на ходу! Бабенко, задний ход 300 метров, поворот влево и уходим в подлесок от строений.

– Короткая! – Логунов прицелился и просил о замедлении в несколько секунд, чтобы выстрел был точным. Машина замерла, из дула вылетел огненный столб и страшным взрывом снес кабину водителя. Искореженные детали броневика взлетели вверх, осыпаясь огненным дождем прямо на своих пассажиров.

«Где остальные? Что с ротой?» – в голове у Алексея пульсировала одна мысль. Он натянул шлемофон поглубже, проверил соединение с ТПУ, прижал ларингофон и выкрикнул:

– Семерка, я – Семерка, ответьте!

Но в эфире не раздавался даже привычный треск. Соколов снова переключился с командной частоты на внутренние переговоры.

– Василий Иванович, остановка нужна. Связи с командованием нет. Правый сектор – Омаев, левый – Логунов, фронт – Бабенко. Задача – найти укрытие для танка. Пока противник не атакует, надо найти подходящее место для обороны.

– Есть, – отозвался низкий бас Логунова. – Пока не вижу, где можно схорониться ненадолго.

Вся команда смотрела во все глаза в приборы и визирь в поисках подходящей маскировки. Машина осторожно катилась подальше от центральной дороги, в сторону небольшого подлеска, который рос по границе жилой зоны села.

– Бревна! Вот слева! – радостно выдохнул механик при виде кучи, куда местные жители за ненадобностью стаскали обломки бревен разрушенных бомбами домов, пни, сломанные деревья и даже куски кирпичных стен от печек и домов.

– Вот за нее, Семен Михайлович. Старшина с Колей на наблюдении, – а сам склонился в тревоге к Руслану: – Ну, есть соединение?

Омаев покачал отрицательно головой. Поначалу он решил, что сбилась волна, подправлял показания на шкале верньером, но потом понял, что радиостанция молчит. Ничего, ни треска, ни случайных шумов – мертвая тишина. Не замечая ничего вокруг, радист начал снова проверку работоспособности станции: проверил штыревую антенну, клеммы и соединения, нет ли искрения щеток. Снова отключил приемник, подключил заново. Ждем прогрева одну минуту, а теперь вращаем ручку. Но сложное устройство, что всегда по-дружески подмигивало ему зеленым индикатором, не отвечало. Упрямый радист не останавливался – может, просто от удара отошел проводок и всего лишь не загорается лампочка, а связь со штабом есть. Он с надеждой повернул ручку регулятора громкости с надписью «тише – громче» по часовой стрелке до упора, прислушался – должен появиться легкий шум. Омаев продолжил вращать рукоятку настройки, выставил заданный номер волны, в третий раз принялся медленно крутить рукоятку. Тишина, нет сигналов.

– Прием, я – Семерка, я – Семерка, ответьте, прием.

Со вздохом покачал головой.

– Ни звука, товарищ лейтенант. Надо разбирать и искать узел с неполадкой.

Соколов лишь кивнул в ответ. Он и сам уже понял, что в азарте сражения во время внезапной атаки они забрались слишком далеко. Так что оторвались от всего батальона и оказались в селе вперед остальных.

Дорога между холмом и пересохшим логом в это время превратилась в пожарище. Мороз принял командование после того, как один из танков прямым попаданием разорвал на части бронетранспортер комбата. Но с каждой минутой боя ротный все яснее понимал, что надо отступать. Неожиданная атака немцев сбила всех с толку. План состоял в том, чтобы дойти до села и там начать сражение сразу с двух концов населенного пункта, взяв оккупированную территорию в бронированные «клещи». Только вот опередили их фашисты, подготовили такую атаку танками с поддержкой артиллерии и пехоты, что уже через полчаса дорога была окутана полыхающим маревом в облаках черного дыма.

Его танкисты сопротивлялись отчаянно, расстреливая все до последнего снаряда. Поэтому рядом с русскими Т-34 и КВ пылали и факелы немецких машин. Пространство между танками было усеяно трупами солдат двух армий, вне зависимости от политических взглядов, веры, национальности. Они все хотели жить, пытались из последних сил вылезти в открытые люки в башне и днище, вдохнуть в предсмертных муках глоток воздуха, охладить кожу от жутких ожогов. Выстрелы становились все реже, заканчивался боезапас. Уже блестя на солнце автоматы немецкой пехоты, солдаты в долгополых шинелях без страха шагают к ослабевшему танковому батальону. Мороз понял – сражение проиграно, надо отступать, чтобы не попасть в плен. Он сдавил ларингофон и выкрикнул в эфир:

– Всем экипажам, внимание, говорит Мороз, приказываю отступать. Повторяю – отступление. Первыми отходит рота Зимина, потом Соколов, командиры КВ, прикрываем тылы. Направление вдоль холма и на восток, в сторону опорного пункта в Тихоновке.

Раздался треск, и откликнулся знакомый голос Зимина:

– Есть отступать.

– Соколов, Семерка. Прием, Семерка, слышишь меня? Уводи своих ребят, кто еще живой. Семерка!

Мороз выругался под нос прямо в эфире – что там случилось с новым ротным. И рявкнул новую команду:

– Зимин командует двумя ротами, заменяет Соколова. Всем экипажам «тридцатьчетверок», за Зиминим в отступление!

Остатки разбитого батальона потянулись в тумане черного маслянистого дыма с дороги, один за другим скрываясь за земляной возвышенностью. Пехота армии вермахта принялась поливать их дождем из пуль, издевательски, с насмешкой. Они не причиняли вреда бронированным тяжелым КВ, которые могли раздавить любого из фрицев одним движением, но стрельба не прекращалась, пока последний советский танк не скрылся за поворотом. Немцы словно устроили торжественный салют, празднуя такую быструю победу. Немецкие танки тоже были подбиты, уничтожена артустановка, но еще осталась пехота, бодрая, рьяно прущая с автоматами на ослабевший батальон. От этого Морозу было в два раза горше: понесли большие потери, командный состав погиб почти весь, и ротный командир, и комбат. Их батальон сорвал боевую операцию, а теперь и фрицы, как брехливые собаки, лают им вслед из автоматов.

Он бросил радисту:

– Связывайся со штабом, срочно! Надо доложить, что нас разбили во всю голову.

Тот послушно кивнул и закрутил рукоятки радиостанции. Оказавшись на безопасном расстоянии, Мороз глухим от стыда голосом отчитался:

– Попали в засаду. Потери больше половины батальона, как будем на нейтральной полосе, сообщу по личному составу и единицам технике. – Мороз сжал большие кулаки, даже помехи связи не могли скрыть боль в его голосе. – Майор Савченко погиб, подбит снарядом. Старший лейтенант Соколов пропал.

– Как это пропал, Мороз? – резко уточнил на том конце провода голос политрука. – Не может целый танк пропасть, это же не травинка в поле. Экипаж на связь когда выходил последний раз?

– В начале боя, Соколов командовал ротой. Потом в «семерку» попал снаряд, машина съехала с дороги, больше я его не видел. На позывные не отвечает, среди отступивших его нет.

– Товарищ капитан, – голос у политрука налился сталью, – вы приняли командование батальоном вместо погибшего Савченко. Подразделение разбито, из-за этого будет свернута вся наступательная операция. Красная армия наступает, а наша танковая бригада благодаря вам отступает и несет потери! Вы ответите за все!

– Слушаюсь, готов понести наказание, – только и смог выдавить из себя капитан.

– Это вы уже перед командованием штаба будете рассказывать. – И эфир наполнился тишиной, сеанс связи был окончен.

Мороз стянул с головы шлемофон, в полумраке отделения его бойцы не видели, как из глаз взрослого мужчины текут слезы. Не в силах сдержаться, он уткнулся лицом в промасленную ткань шлема и заорал что было сил, выкрикивая самые грязные ругательства в адрес проклятых фашистов. Ему было невероятно стыдно за проигранный бой, позорное отступление. А еще чернее на душе было из-за потери сослуживцев, однополчан, с которыми прошел всю войну, что стали танкисту близкими людьми. Теперь они лежат там, изувеченные, опаленные огнем до черноты, а он жив, бежит как последний трус с поля боя и даже не может похоронить их по-человечески, отдав последний долг.

Весь экипаж командирского КВ молчал, без единого слова трясясь на ухабах размытой дороги. Они понимали, что не будет у крепкого капитана больше возможности выразить свое горе, выплюнуть резкими словами. По приезде отчитываться ему перед штабом, собирать живых и раненых, снова вдохновлять бойцов после неудачного сражения. Не будет у него и минуты времени, чтобы завывать по-звериному от переполняющей, рвущей изнутри боли.

* * *

Соколов откинул люк, выглянул наверх и с удовольствием глотнул свежий воздух. Небольшой перерыв они заслужили. Но одно теперь плохо: машину не видно из-за кучи обломков и мусора, но и ему теперь тоже не видно, как далеко продвинулись танки его батальона. Алексей покрутил настройки бинокля, но от дороги по центральной улице шло понижение рельефа местности, в которую они и спустились в поисках укрытия. И теперь ему были видны лишь черные столбы дыма от пылающей техники. Даже на расстоянии от густого химического запаха в горле першило при каждом вдохе. Он прислушался к выстрелам, все реже и реже, ни канонады гаубиц, ни коротких ударов танковых орудий, только стрекот автоматов. Странно, ведь по плану сейчас машины должны продвигаться сюда к началу жилого сектора. Что-то идет не по плану, ведь никто не ожидал нападения штурмовой танковой группы, еще и с поддержкой артиллерии и стрелков.

На въезде в село раньше высился большой комплекс хозяйственных построек, обнесенных добротным забором. Но сейчас от бывших хранилищ или коровников остались лишь черные остовы. Судя по глубоким ямам, село во время воздушного налета закидали бомбами. Немцы, согнав всех, кто остался из живых в селе, заставили жителей голыми руками закидать ямы на дороге землей, а сверху уложить плотным рядом камней. Разгромленные постройки растаскали на доски и щепки для розжига печей. А все остальное пространство так и осталось нетронутым – изуродованное, опаленное прошлое зажиточного села. Именно здесь, на краю обугленной земли, где осталась тонкая лента молодых березок, они замерли в короткой передышке, перед тем как вернуться на дорогу в жаркий страшный котел боя. Но командир

понимал, что сражение уже затихло, и подозревал, что русские танки ушли в отступление. Уж слишком большой перевес в силах, а атака вермахта стремительна.

Алексей снова опустился вниз в машину. На него с неммым вопросом смотрел весь экипаж. Вокруг немцы, танков батальона КРКА не видно и не слышно, звуки боя все тише, связь со штабом и другими отделениями утеряна... И как им узнать, что происходит?

По уставу не имеют они права далеко отходить от танка. Если снаряд попадает в гусеницу, повреждает траки, то экипаж по уставу даже под огнем врага должен принять меры к ремонту и быстрому возвращению танка в строй. Если танк подбит, экипаж, если он жив, должен со стрелковым оружием защищать машину. Так гласил устав, вот только свод правил не может предусмотреть все ситуации.

«Семерка» не была подбита, никто из них не ранен, но потеря связи лишила ориентиров в бою, вырвав из общего движения. Поэтому необходимо рискнуть, выйти из-под защиты брони корпуса на открытое пространство и найти решение, полагаясь на боевой опыт. Их личный устав был написан кровью, опытом жестоких боев, гибелью личного состава.

– Придется произвести вылазку для разведки на местности. – Алексей бросил взгляд на Руслана, который в полумраке пытался найти полонку в радиостанции. Семен Михайлович подсвечивал ему динамо-фонарем, взглядом технического специалиста осматривая внутренности устройства – не выхватит ли где глаз опаленный бугорок или оборванный провод.

– Омаев, Бабенко остаются для ремонта станции, мы с Бочкиным на разведку. Логунов замещает командира, ведет наблюдение за обстановкой. Мы до начала дороги доберемся, чтобы обзор был. Выясним обстановку и назад.

– А если немцы нас обнаружат, Алексей Иванович? Связи нет, как мы вас найдем? – не отводя взгляд от панели с рукоятками и световым индикатором, уточнил внимательный Бабенко. Он понимал, что вокруг немецкие патрули и как только они обнаружат Т-34, то начнется отчаянный бой. Командир с заряжающим уже не смогут незаметно пробраться к танку.

– Сорок минут на вылазку. Если не вернемся или немцы нападут, уходите вниз к пойме реки. Как только найдется просвет в лесу, то можно будет перейти на нейтральную полосу, а потом к нашим вернуться.

Логунов резко качнул головой:

– Немчура нас гулять вдоль реки не отпустит, у них танков полно, пушек, пехоты. Основательно подготовились к встрече с нашим батальоном. Нет, Алексей Иванович, мы вас не бросим. А еще стоять будем до последнего патрона. Боезапас снарядов есть, личное оружие, пулемет. Повоюем. Идите выполнять боевую задачу и за нас не беспокойтесь, мы бывалые.

Соколов не нашел слов в ответ, внутри все сжалось от душевного тепла. Какой же он все-таки надежный, Василий Иванович, словно каменная стена, всегда поддержит. Повезло Николаю, что такой человек оказался его названным отцом.

Бочкин же замер, не решаясь поднять глаза на командира отделения. Не хотел он, чтобы дядя Вася прочитал в его глазах жуткий страх, от которого начинали лязгать зубы. Одно дело действовать в азарте сражения, когда загоняешь каждый снаряд, словно лично Гитлеру даешь зуботычину. А совсем по-другому себя чувствуешь, когда надо встать и пойти в неизвестность, выйти с одним автоматом на открытое пространство в окружении немецких войск. Кто знает, что случится, пока они за полчаса доберутся до дороги. Может, снова такое полчище фашистов набегит, что и не увидит он больше никогда Василия Ивановича. А такое страшнее собственной смерти. Родного отца Колька помнил плохо, даже и на шепотки местных сплетниц о «безотцовщине» привык не обращать внимания. Но годы, что провели они с дядей Васей в танке, превратились в целую жизнь, спаяли их крепче, чем связывает родная кровь. И теперь ему было страшно даже подумать, что больше не увидит он своего отчима, что стал по-настоящему родным отцом. Так, не поднимая глаз, стянул он шлем, застегнул комбинезон до конца и полез следом за старшим лейтенантом в открытый люк. Лишь на последней ступеньке не

выдержал и бросил быстрый взгляд в полумрак машины. Логунов словно сердцем поймал его порыв. Оторвался от оптики, повернул голову и подмигнул земляку, названому сыну и другу в одном лице. От теплого его взгляда и ободряющего взора – прорвемся, Колька! – внутри разжались ледяные шупальца ужаса и молоденький ефрейтор поверил, все у них получится.

Легко спрыгнув с брони, Алексей негромко предложил:

– Давай ветками танк закидаем. Чтобы со стороны дороги он незаметен был.

Бочкин кивнул молча в ответ, делов на пять минут. Они стоят возле огромной горы старых веток, остается лишь набросить пару охапок побольше на борта, и «Зверобой» сольется с кучей строительного мусора.

Пока Колька усердно усыпал бронированного друга обрубками веток, его командир с биноклем осматривал местность вокруг. До дороги, куда им надо попасть, недалеко, метров 500, но по выложенной булыжниками грунтовке им прогуливаться не стоит. Немцы в селе, атака батальона танков Красной армии все никак не начинается. При таких условиях лучше будет пробираться где короткими перебежками от укрытия к укрытию, а где и ползком, по воронкам от снарядов. Он уже приметил первое место, где можно спрятаться и осмотреться перед следующей перебежкой.

– Смотри, вон туда за сруб от колодца по моей команде бегом, пригнувшись. Как кивну, то бежим к следующему ориентиру. Готов?

– Да, – прошептал в ответ Бочкин.

Они быстро преодолели короткий промежуток между мусорной кучей и колодцем, упали на твердую стильную землю за его крепкими стенками. Алексей принялся высматривать следующую ямку или куст, а Колька покосился на намалеванный крест с надписью на темной от времени деревянной стенке: «Отравлено! Не пить!»

«Вот уроды, воду отравили для скотины!» – внутри поднялась волна возмущения. Колька всю жизнь провел в селе и знал не понаслышке, что значит заботиться о корове или телятах. От злости аж в глазах заискрило, какой богатый колхоз в яму превратили, это же годы усердной работы.

– Вперед, – одними губами прошептал Соколов и в три прыжка оказался на дне воронки. Бочкин, чуть замедлившись, последовал за ним.

Логунов в это время крутил панораму перископа, вращая командирскую башню. Отслеживал каждое движение. Сквозь толщу бронированных листов невозможно услышать шорохи или разговоры, остается надеяться на визуальное наблюдение, чтобы не пропустить внезапное нападение противника. Он повернул башню в сторону дороги к селу: до сих пор в воздухе клубятся черные столбы, но стали уже ниже, догорает подбитая техника. Вот две фигурки, Коля и Алексей, метнулись вдоль перекошенного дома и слились с придорожными кустами – почти дошли до цели, полдела сделано. Но и возле дороги ситуация яснее не стала, слишком высоко дорога, затихшая после боя, чтобы увидеть пространство, где шел бой. Соколов в бинокль смог лишь увидеть верхушки немецких танков да замершие подбитые машины обеих армий.

– Николай, смотри вокруг в оба. На дерево придется залезть. Свисти, если увидишь немцев.

Соколов схватился за ветку, упираясь подковками сапог, ловко взобрался на три ветки вверх и притулился на толстом суку. Наконец он оказался вровень с горизонтом и успел увидеть, как за холм заворачивает последний советский КВ, провожаемый выстрелами немецких автоматчиков. КВ Мороза маневрировал, то останавливаясь, то уходя, то возвращаясь, делая выстрел и тут же прижимаясь к покатоному склону. Батальон отступал под прикрытием командирского танка, выстрелами не давая вражеской пехоте преследовать колонну. На обочине стояли два немецких бронетранспортера, высаживавшие пехоту. По дороге рассыпались немецкие автоматчики, поливая огнем тяжелые машины, что исчезали за поворотом.

От такой картины лейтенанта покачнуло на хрупкой опоре, но он вцепился одной рукой в ствол, а второй плотнее прижал окуляры к лицу. Отрегулированная оптика показала дорогу крупно. У него похолодело внутри: пять, восемь, семнадцать подбитых немецких танков, еще двадцать на ходу, пускают сизый дым двигателей. Рядом с грудями мертвых тел возятся черные фигурки рядовых, сортируя немцев и русских, рядом стоят, не скрываясь, два офицера. Русских подбитых танков почти двадцать. Но хотя бы немцы не выкатывают пушки, значит, артиллерию удалось повредить.

Ловким прыжком командир оказался на земле и бросился обратно к «тридцатьчетверке» тем же маршрутом. Николай молча бежал следом, хотя его разрывало от вопросов, что там увидел Соколов в окулярах бинокля. Но судя по хмурому лицу, ждут их экипаж не самые хорошие новости. Вот они уже у танка, поспешно запрыгнули на броню и быстрее вниз в безопасное пространство боевого отделения.

– Отступают наши. – От интенсивной пробежки Алексей задохнулся, не в силах продолжать дальше. Припал к горлышку заботливо протянутой Бабенко фляжки. Да и что рассказывать, не будет атаки, батальон советских танков с большими потерями отступил обратно за нейтральную полосу. Наступательная операция провалилась, а их экипаж теперь окружен со всех сторон немецкими войсками. На дороге танки и пехота, что ждет в селе – неизвестно.

– Как связь? Получилось найти поломку?

Омаев кивнул:

– Да, нашел. Но умформеры треснули, связь не восстановить без радиотехников.

– Хорошо. – Алексей высказал с замиранием мысль, которая родилась по время возвращения назад, от дороги к танку. Окрестность была пустой, все боевые подразделения стянуты к дороге. Даже часовых на въезде не оставили, никому и в голову не пришло, что кто-нибудь сунется в село мимо танковой засады с поддержкой из пушек и автоматчиков. – Вся бронетанковая техника сейчас будет работать на дороге, внизу вдоль речного русла идти опасно. Неизвестно, какая там почва, а на разведку у нас времени нет. Часа два-три, и немцы будут возвращаться обратно в село, на исходную позицию. Расчистят дорогу, заберут погибших, раненых, выставят здесь часовых. И нам не шевельнуться уже, заметят мгновенно. Маскировка из веток даже ребенка не обманет. Против двадцати танков у нас снарядов не хватит выстоять, наш батальон сейчас нескоро в атаку пойдет. Предлагаю прорваться через село.

– Как через село? Прямо в лапы фашистам? – Бочкин не удержался от удивленного восклицания.

– Николай, – строгий взгляд Логунова приструнил парня. Василий Иванович внимательно слушал Алексея, понимая, что тот всегда выбирает хорошую тактику.

Но Соколова недоверие не смутило. Карту села с обозначенными укреплениями он запомнил хорошо на совещании у комбата, хоть сейчас глаза закрой, и перед ним прожилки дорог, серые квадратики штаба и мест расположения основных частей, черная черта моста через ленту реки. Правда, не знал в тот момент Савченко, что немцы в обход села успели соорудить за ночь переправу и перегнать танковое соединение СС, приготовив засаду. Но уж точно целую роту техники в селе не оставили про запас. Все силы офицеры вермахта согнали сюда, к месту начала атаки, а значит, в центре поселения сейчас мирные жители, охрана да хозяйка. Даже если и есть артиллерия или автоматчики, то точно не готовы они к внезапному появлению русских танков. Это все изложил Соколов товарищам.

– А почему танков? – Руслан размышлял, сдвинув густые брови. – Мы же одни.

– Это мы знаем, Руслан, – мягко объяснил Бабенко. – А представь себя на месте какого-нибудь штабного офицера. Начищаешь свои кресты на шинели, а тут мимо тебя проезжает танк. Что ты подумаешь?

– Что порвали оборону и началась внезапная атака противника! Пока очухается, пока за маузером сбегает, пока шутце позовет, мы уже далеко будем, – воскликнул Омаев в озарении.

– Совершенно верно, Руслан, – поддержал его Соколов. – Нам самое важное, не сбавляя скорости, прорваться через село. Если и будут попытки нас остановить, то пулеметом ты своим погасишь. Маршрут я уже представил, буду говорить Семену Михайловичу, куда сворачивать. В конце мост, на нем блокпост. Его снесем всей тяжестью танка и через пару километров будем уже у своих. – Он обвел глазами притихший экипаж. – Ну, что скажете, товарищи?

Не по-командирски, конечно, вот так спрашивать мнение экипажа, но уж больно дерзкий был план Соколова. Можно ведь сидеть и дальше в мусорной куче, ожидая, когда наконец РККА пришлет войска освободить село. Или танк бросить и пешком уйти в леса. Либо кататься по пойме реки в поисках брода, рискуя нарваться на часовых противника или встать из-за израсходованного дизеля. Только экипаж у Соколова подобрался под стать ему, готовый рискнуть, а не выбрать гнетущее ожидание спасения от других.

– Поехали, прорвемся. Лучше атаковать, чем обороняться. Полчаса на высоких оборотах, а потом мы уже у своих, – заключил Логунов. И экипаж дружно принялся рассаживаться по своим местам.

Алексей смотрел из башни вниз на свой экипаж. Башнер, прикинув к прицелу, крутил ручки, проверяя настройки. Внизу сосредоточенный Бабенко прикидывал, как ему выдать максимальную скорость, от напряженных маневров у него слиплись волосы под шлемом. Пулеметчик Руслан Омаев тоже в надрыве схватился крепко пальцами за свое орудие, брови сошлись на переносице, глаза впились в смотровую амбразуру. Коля Бочкин от волнения перед опасной операцией совсем растерялся, то хватался за снаряды, выбирая, какой зарядить по команде Логунова, то проверял личное оружие в кобуре. Василий Иванович потрепал пасынка по плечу, и тот выдохнул, одними глазами ответил ему теплой улыбкой. Все готово для дерзкого марша по улицам села, занятого врагом.

Глава 3

– Так, – Алексей даже прикрыл глаза, чтобы представить себе маршрут. – Сначала около километра прямо по центральной дороге. Руслан, со стрельбой из пулемета осторожно, только в крайнем случае, чтобы не задеть местных жителей. Огонь на подавление. – Соколов плотнее натянул шлемофон. – Вперед!

Танкисты заняли свое место, по боевому расписанию во время движения у каждого члена экипажа своя картинка перед глазами. Командир отслеживает все, что происходит впереди и слева, заряжающий справа. Сам же Соколов неотрывно смотрел в перископ, поворачивая башню для обзора со всех сторон. Это не обычный марш, а боевая атака в одиночку, да еще и без внятного плана действий. Остается надеяться лишь на свою внимательность и опыт, чтобы прорваться через блокпосты и оборону противника.

«Зверобой» с ревом развернулся на месте и двинулся назад, мягко ныряя в ямы, пока не выбрался на каменную дорожку в сторону домов. Бабенко работал руками и ногами, выжимая из машины все, что опытный механик-водитель мог и умел. По вибрациям и звуку определял он, когда пора воткнуть высокую передачу. Танк выехал на ровную дорогу, и можно развивать большую скорость.

От опасности, что поджидала с любой стороны, внутри машины все молчали, каждый перебирал доказательства того, что у них получится дерзкий прорыв. Алексей про себя просчитывал маршрут до переправы в километрах; сначала в танковой школе приучали их рассчитывать действия машины в цифрах, а потом и он сам привык возбуждение от боя приручать, переводя все в цифры.

Маневренная машина по шоссе может выдать до 70 километров в час. Если двигаться на самых высоких оборотах, то из-за скорости немцы даже не поймут, кто это промчался у них перед глазами. Это самое важное преимущество «тридцатьчетверки», что сделало ее танком номер один в сражениях против армии Гитлера. Боевая масса до 30 тонн позволяет Т-34 обогнать любого тяжеловеса, поэтому и нет ему в бою равных: не вязнет, по пересеченной местности движется 25 километров в час. Благодаря легкости выдерживает его почти любой мост, в отличие от монументальных КВ. Фашист только поворачивает башню, как шустрая «тридцатьчетверка» уже перемахнула на ту сторону реки или взобралась на холм подальше от смертоносных пушек «тигров». Быстрым ходом без остановок «семерке» понадобится всего лишь час, чтобы пройти через весь населенный пункт. Асфальт – это не пересеченная местность, можно не высматривать под гусеницами овраги или пни.

Двигатель мерно урчал, танк плавно шел вперед, оставляя после себя клубы серого дыма. Все быстрее и быстрее.

Выбивая искры железными гусеницами на асфальтированной дороге, «семерка» летела вдоль домов; черные остовы сожженных домов сменились добротными избами. Несколько человек в военной форме вермахта встретились им по дороге, но так и остались стоять с разинутыми ртами, не веря своим глазам: танк с красной звездой на борту мчится прямо по оккупированному селу. В голове у командира внутренний счетчик отмерял расстояние: еще 300 метров, и будет центральная площадь. У Руслана перед глазами мелькали сплошные заборы да узкая дорожка разбитого дорожного полотна с черными лужами, у Бочкина зудели глаза от того, как старательно он всматривался в прыгающую серую полосу справа. Старшие товарищи, Логунов и Бабенко, выглядели спокойными и сосредоточенными, словно не по вражескому городу едут, а на обычном марше в поле. Соколов вслед за ними внутренне подобрался, командир служит всегда примером и образцом для подражания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.